

Д. В. Тимофеев *

ОБРАЗ ГОСУДАРСТВА В ПЕРИОДИЧЕСКОЙ
ПЕЧАТИ И РОССИЙСКОЙ ПУБЛИЦИСТИКЕ
ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX века

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ ЛИЧНОСТИ и государства неразрывно связаны с существовавшим в сознании людей образом государства, элементами которого были представления о целях существования государства, условиях его функционирования, основных направлениях внутренней и внешней политики, оптимальной модели взаимодействия с гражданами. Содержание подобного рода образов не фиксировалось современниками специально и дошло до исследователя лишь фрагментарно в текстах различных исторических источников. В этих условиях исследование взаимоотношений личности и государства, наряду с изучением политической практики властей и ответной реакции общества, возможно только при условии выявления всего спектра семантических значений самого понятия «государство» употребляемого людьми в процессе социально-политического и экономического дискурсов.

Методологическим основанием подобного рода исследований, на мой взгляд, может стать признание наличия тесной взаимосвязи общественного сознания с языковой практикой. При этом следует учитывать, что оформление понятий всегда сопровождалось осознанием существенных характеристик определяемого явления или процесса и происходило одновременно с изменениями в экономической, социально-политической или духовной сферах. Однако скорость и масштабы изменений семантических значений всего комплекса ключевых для описания особенностей окружавшей индивида социально-политической реальности понятий в разные периоды истории могли значительно варьироваться. Комплексное изменение происходило только в периоды значительных общественных трансформаций. Одним из таких «переломных времен», по мнению основоположника «истории понятий» в немецкой историографии 60–70-х гг. XX в. Р. Козеллека, была вторая половина XVIII – начало XIX в. Именно в это время происходило становление современной системы социально-политических понятий в странах Европы и США¹. На мой взгляд, подобные процессы с начала XIX в. происходили и в Российской империи.

Понятие «государство» в России имело глубокие исторические корни. Еще в текстах XV в. оно употреблялось для обозначения власти и территории, находящейся в распоряжении «государя»². На рубеже XVIII–XIX вв. его значение было зафиксировано в «Словаре Академии Российской»: 1) «Государство – земля или

---

* Тимофеев Дмитрий Владимирович, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории дореволюционной России Челябинского государственного университета.

¹ См.: Козеллек Р. Социальная история и история понятий // Исторические понятия и политические идеи в России XVI–XX века: Сб. научн. работ. СПб., 2006; Колосов Н. Е. История понятий вчера и сегодня // Там же. С. 11, 19.

² См.: Колосов В. В. Древняя Русь: наследие в слове. Мир человека. СПб., 2000. С. 284–287; Хархордин О. Что такое государство: русский термин в европейском контексте // Понятие государства в четырех языках. Сб. ст. СПб., 2002. С. 165–189.

страна, обладаемая государем, царство; 2) берется иногда вместо народ»³. В данном определении составители словаря делали акцент на двух взаимосвязанных признаках государства: существование определенной территориальной общности («земля», «страна») и наличие субъекта волеизъявления, управляющего этой территорией («государь»). Следует отметить, что такое понимание слова «государство» фиксировало политические стереотипы XVIII в., которые, несмотря на дословное воспроизведение приведенного выше определения в издании «Словаря Академии Российской» 1806 г., к началу XIX в. уже не отражали всего спектра дополнительных коннотаций данного понятия.

Влияние на российское общество идей европейского Просвещения, в совокупности с провозглашенными Александром I курсом либеральных преобразований, обусловило появление новых элементов в представлениях о функциях государства и оптимальном характере его взаимоотношений с гражданами. В наиболее отчетливой форме изменения в содержании понятия «государство» просматриваются при анализе материалов периодической печати и работ известных российских публицистов первой четверти XIX в.

На рубеже XVIII–XIX вв. произошло дополнение содержания транслируемого верховной властью со времени Петра I словосочетания «государственное благо», которое нередко употреблялось для описания целей государства во внешней и внутренней политике. Если ранее оно подразумевало обязательность бескорыстного служения государству, даже в том случае, если такая служба противоречила личным интересам подданного, то в начале XIX в. одной из главных целей государства объявлялось «благополучие граждан». Так, например, К. Арсеньев в одной из своих работ писал: «Государство, как и всякое человеческое заведение сообразное с разумом имеет известную цель. Высшая цель государства есть безопасность и благополучие всех и каждого из членов онаго»⁴. Сформулированная таким образом цель отражала либеральную модель взаимоотношений государства и личности. Однако в российской периодической печати сосуществовали две разнонаправленные трактовки: с одной стороны, апеллируя к работам известных европейских мыслителей, российские авторы объявляли о приоритете интересов свободной действующей личности, а с другой – государство преподносилось как институт, осуществлявший заботу и покровительство по отношению к собственным гражданам. Такая патерналистская модель прослеживается как в заметках о положении в различных странах, так и при публикации на страницах российских журналов «извлечений» из сочинений европейских мыслителей. Описывая положение в послереволюционной Франции, автор статьи «Всеобщее обозрение» объяснял читателям свое понимание словосочетания «государственное благополучие». Оно, по его словам, связано с «мудрой системой гражданских законов», «заботой Правления о воспитании, об успехе наук, художеств и торговли»⁵. Не менее показательной в данном контексте является статья «Чем правительство способствует народному обогащению?» Отождествляя понятия правительство и государство, ее автор цитировал Ж.-Б. Сея: «Благоустроенное правительство... не ограничивается тем только, что оберегает граждан от грабежа разбойников, оно защищает их от сильных своим могуществом или богатством; оно предохраняет прямодушного и честного человека от ябеднических

³ Словарь Академии Российской. Ч. 1, от А до Г. СПб., 1789. С. 280.

⁴ Арсеньев К. Начертание статистики российского государства. Ч. 2. СПб., 1819. С. 108.

⁵ Всеобщее обозрение // ВЕ. 1802. Ч. 1. № 1. С. 78.

крючков так называемых законников...»⁶. При это важно отметить то, какой ряд глаголов употребил автор при описании целей государства в процессе перевода текста на русский язык. Государство, по его словам, «оберегает», «защищает», «предохраняет», что в целом не предполагало какого-либо противопоставления личности и государства.

В общем виде, наряду с заботой и покровительством государство должно было обеспечивать внешнюю безопасность страны, установить систему законов, способствовать экономическому благополучию проживавших на его территории граждан. Такое понимание функций государства присутствует как в материалах периодической печати, так и в многочисленных проектах реформирования страны, вышедших из-под пера высокопоставленных правительственных чиновников⁷.

Переплетение либеральных и патерналистских ценностей присутствовало не только в отношении целей существования государства, но и при описании условий необходимых для его функционирования. Прежде всего, в полном соответствии с атомарно-механистическим представлением о природе общества, с которым российский читатель мог познакомиться в многочисленных произведениях европейских философов и экономистов, главной основой государства объявлялись его граждане. В различных текстах этот тезис встречался в форме утверждения о существовании тесной взаимозависимости личности и государства.

В рамках социально-политического дискурса очевидной преподносилась зависимость государства от готовности граждан встать на его защиту. Об этом неоднократно упоминалось в публикациях на внешнеполитические темы, а также в различных «наставлениях» для подрастающего поколения. Так, например, А. Ф. Бестужев, определяя значение гражданина для поддержания обороноспособности страны, писал: «одна только сия неограниченная преданность составляет безопасность государства вообще, и каждого гражданина в особенности»⁸. При этом он подчеркивал, что такое поведение гражданина необходимо не только государству, но и соответствует его собственным интересам.

Идея взаимовыгодности совместных усилий личности и государства во всех сферах жизни общества часто встречается в текстах посвященных анализу соотношения «государственной пользы» и «личной пользы». Размышляя на эту тему, российские авторы нередко воспроизводили либеральную модель общественного устройства, которая предполагала, что общество состоит из свободно действующих индивидов, и каждый из них, стремясь удовлетворить свои собственные потребности, способствует достижению «общего блага». Именно такая трактовка соотношения государственной и личной пользы присутствовала в сочинении М. Балугьянского (Балудянского): «Каждый знает, что для него полезнее, но что польза каждого человека в особенности не должна противоречить пользе государственной, ибо общее благо есть ничто иное, как *сумма всех частных благ*»⁹.

Аналогичное понимание взаимозависимости личности и государства было и в рамках экономического дискурса. Ориентируясь на модные теории европей-

⁶ Чем правительство способствует народному обогащению (извлечение из сочинения г. Сея) // Арх. ГХ. 1816. Ч. 1.: из Духа журналов. СПб., 1816. С. 8.

⁷ См.: Тимофеев Д. В. Европейские идеи в России: восприятие либерализма правительственной элитой в первой четверти XIX века. Челябинск, 2006.

⁸ Бестужев А. Ф. Учение, нравственность и правила честного человека. СПб, 1807. С. 12.

⁹ Изображение хозяйственных систем М. Балудянского // Стат. журн. 1806. Т. 1. Ч. 2. С. 62.

ских экономистов, российские авторы акцентировали свое внимание на двух основных факторах определявших «благосостояние государства». Прежде всего, признавалось огромное значение для развития экономики количества жителей страны, их физического здоровья и трудовых навыков. «В наши времена, – писал И. Герман, – по справедливости вообще принято в политической экономии за правило, что тем богаче и могущественнее бывает государство, чем многочисленнее и здоровее, и достаточнее его жители»¹⁰. Многочисленность и благополучие жителей рассматривались как неотъемлемое условие финансовой стабильности государства. Своевременная выплата всех установленных законом налогов и сборов объявлялось обязанностью индивида, исполнение которой позволит государству обеспечить безопасность и благополучие своих граждан. Такая логика рассуждений о характере финансовых обязательств личности перед государством представлена, например, в сочинении А. Бестужева: «В подкрепление Отечества необходимо нужно, чтоб каждый частный человек покорен был законом и платил государству должную подать»¹¹. Одновременно внимание современников акцентировалось на заинтересованности личности в существовании государства, т.к. без установленной им системы законов, ограждающих от посягательств на свободу и частную собственность, она оказалась бы вовлечена в жесточайшую борьбу с другими индивидами за более полное удовлетворение своих потребностей. В этих условиях человек вынужден в большей степени заботиться о своей безопасности, нежели о приумножении богатства.

Не менее значимым условием функционирования государства в нач. XIX в. признавалось существование системы «непременных» законов. Содержательно они должны были, с одной стороны, гарантировать права личности, а с другой – определить систему государственного управления с учетом исторического опыта России¹². Обязательные для исполнения гражданами и правительством законы, одновременно, рассматривались и как условие, и как основной инструмент функционирования государства. «Законы, или непреложные правила поведения, которые руководствуют граждан во всех их деяниях, и сообразно которым должно действовать самое правительство, – писал К. Арсеньев, – суть *душа* каждого благоустроенного государства»¹³. Системообразующее значение закона определяло положение, при котором неупорядоченность законодательства, отсутствие действенных механизмов его реализации не позволит государству в полном объеме выполнять свои функциональные обязанности. Именно с этих позиций П. В. Лопухин и Н. Н. Новосильцов, формулируя цель работы «Комиссии составления законов», главной ее задачей считали «...поставить правила нелицеприятного отправления правосудия и охранения... безопасности всех и каждого строгим исполнением законов, утверждающих спокойствие и благоденствие государства»¹⁴.

Закон как основа государства должен был быть не просто декларацией о намерениях, а действующим инструментом защиты интересов граждан. В против-

¹⁰ О составлении и употреблении народных таблиц. Соч. И. Германа // Стат. журн. 1806. Т. 1. Ч. 1. С. 29–30.

¹¹ Бестужев А. Ф. Указ. соч. С. 13.

¹² Тимофеев Д. В. Соотношение понятий «закон» и «свобода» в правительственных проектах и российской публицистике первой четверти XIX века // Проблемы истории, филологии, культуры. Вып. XVI/3. М.; Магнитогорск; Новосибирск, 2006. С. 83–97.

¹³ Арсеньев К. Указ. соч. Ч. 2. СПб., 1819. С. 100.

¹⁴ Всеподданнейший доклад Его Императорскому Величеству кн. Лопухина и Новосильцева // Санкт. журн. 1804. № 5. С. 79.

ном случае, по мнению авторов ряда журнальных публикаций, существует опасность формирования деспотического государства. Для современников яркой иллюстрацией сущности такого государства могла служить заметка «Путешествие к устью Черного моря...», автор которой критиковал сообщение о существовании конституции в Турции, т.к. в этой стране законы не исполнялись, а, следовательно, государство являлось деспотическим. Определяя содержание словосочетания «деспотическое государство», он писал: «...в таком деспотическом государстве... ни один человек, ни на одну минуту не обеспечен ни в своем имуществе, ни даже в жизни своей»¹⁵.

Еще одним важным условием успешного функционирования государства упоминавшимся в текстах различных авторов была религия и традиционные морально-нравственные ценности, которые объединяли всех жителей государства в одну духовную общность. В отчетливой форме это условие было сформулировано в статье «Нечто о началах правлений», автор которой прямо подчеркивал взаимосвязь религии и государства, провозглашая что «охранять религию значит охранять государство»¹⁶. Нередко в качестве дополнительного аргумента доказывающего взаимосвязь государства, моральных и религиозных норм авторы приводили примеры из истории различных стран. Показательными, на мой взгляд, являются две статьи, напечатанные в журнале «Русский вестник» в 1810 г. В первой из них автор обращался к мнению Петра Великого, который, по его словам, указывал на три основных условия достижения «государственного блага»: «твердость души» – предполагавшая верность Богу; «крепость мышц» – отождествлявшаяся с физическим здоровьем населения; и развитие «внутренней промышленности»¹⁷. Автор второй статьи, представленной читателям в форме письма под заголовком «Мысли степного жителя», предупреждал об опасности для государства так называемой «новой философии», которая, по его мнению, противоречила основам истинной христианской веры. В подтверждение своих выводов он приводил слова, якобы сказанные Фридрихом II: «Если б я захотел погубить какую-нибудь область в моем государстве, то к управлению оной отрядил бы новых философов»¹⁸. Не менее убедительно для читателей должен был быть пример послереволюционной Франции, в которой экономической и политической кризис удалось преодолеть только «...восстановив Религию, столь нужную для сердца в мире превратностей, не менее нужную для благоденствия государств»¹⁹.

В более широком контексте важным условием эффективного функционирования государства признавалось «просвещение и образование народа». Данное словосочетание не было простым обозначением уровня грамотности, а подразумевало способность граждан адекватно понимать обозначаемые правительством цели и способствовать их достижению. Аргументируя необходимость государства заниматься вопросами просвещения народа, К. Арсеньев писал: «...Государи с большей удобностию могут производить обширные свои планы к достижению цели государства, управляя народами образованными, способными постигать и изъяснять причины и следствия сих планов»²⁰. Распространение образования

¹⁵ Путешествие к устью Черного моря или опыт изыскания о Босфоре // Арх. ист. и полит.: из Духа журналов 1818 года. СПб., 1818. С. 174.

¹⁶ Нечто о началах Правлений // Санкт. журн. 1804. № 4. С. 129.

¹⁷ Разговор Петра I с Анною, английскою королевою // РВ. 1810. № 4. С. 67.

¹⁸ Мысли степного жителя (из города Боброва) // РВ. 1810. № 4. С. 86–87.

¹⁹ Всеобщее обозрение // ВЕ. 1802. Ч. 1. № 1. С. 78.

²⁰ Арсеньев К. Указ. соч. Ч. 1. СПб., 1818. С. 204.

среди населения страны рассматривалось им как средство повышения управляемости государством.

Включенность в семантическое поле понятия «государство» функциональной зависимости между особенностями организации властных структур, количеством населения, религиозными традициями и уровнем «просвещения народа» обусловило формирование стереотипа о своеобразии и уникальности исторического развития каждого государства. Данная мысль присутствовала как в научно-публицистических текстах, так и в художественных произведениях, в которых российский читатель мог узнать о том, что «...свобода, справедливость, мудрость и счастье, как для государств, так и для каждого человека особенно, в своих действиях непременно должны быть различны»²¹.

В текстах посвященных экономической проблематике внимание читателей акцентировалось на существовании «естественных» отличий внутренней отраслевой структуры экономики разных стран мира. При этом подчеркивалось, что следование каким-либо универсальным схемам экономического развития может привести к серьезным негативным последствиям для российских граждан. Так, например, автор статьи «Замечания одного россиянина», отвечая на вопрос «что более способствует изобилию и большому обороту денег: земледелие или фабрики?», писал, что земледелие «...есть основание благосостояния нашего Государства и корень всех хозяйственных упражнений» <...> «Кто захотел бы, ссылаясь на иностранные Государства опровергнуть мое мнение, тот показал бы тем, что он не знает России, не знает... какими необыкновенными и ей одной свойственными преимуществами она изобилует более всех других Государств»²². Не менее аргументировано необходимость ориентироваться на экономическое своеобразие России доказывал автор статьи «Дальновидность Екатерины Великой», который, ссылаясь на авторитетное мнение императрицы, утверждал, что массовое внедрение в больших государствах машинного производства обрекает народ на бедность: «машины, сокращающие рукоделие, т.е. уменьшающие число работающих в многонародном Государстве будут вредны»²³.

В политическом контексте привязка государства к природно-климатическим, социально-экономическим, религиозным и др. особенностям нередко служила обоснованием своеобразной концепции заимствования. Содержательно данная концепция выражалась в форме высказываний об оптимальных темпах, целях и методах проведения преобразований. Сравнительный анализ материалов периодической печати и произведений известных российских публицистов позволяет выделить три основные характеристики такой концепции. Во-первых, только государство, имея своей основной целью «благосостояние всех и каждого», может быть инициатором и руководителем преобразований. В данном контексте понятия «государство и «революция» были противопоставлены друг другу, т.к. революции всегда совершались «снизу» и приводили государство «в смятение», разрушая его основы²⁴. Во-вторых, стремление изменять государственные институты считалось следствием «ненасытности человеческих желаний»²⁵. Современники неоднократно отмечали несоизмеримость масштабов и времени существования личности и государства, что предопределило правило, в соответствии с кото-

²¹ Альцибиад к Периклу // ВЕ. 1802. № 1. С. 16.

²² Замечания одного россиянина... // Арх. ГХ. 1816. Ч. 2: из Духа журналов. СПб., 1816. С. 82.

²³ Дальновидность Екатерины Второй // РВ. 1817. № 23–24. С. 51.

²⁴ Всеобщее обозрение // ВЕ. 1802. Ч. 1. № 1. С. 66.

²⁵ Нравственное обозрение областей европейских // РВ. 1817. № 11–12. С. С.51.

рым эгоистические желания одного или нескольких людей не должны оказывать решающего воздействия. Напротив – правительство должно объективно «исследовать удобства и неудобства своего Отечества и способности жителей»²⁶.

В-третьих, процесс формирования и развития государств рассматривался по аналогии с развитием живой природы. В результате такого сравнения делался вывод о существовании «естественных» закономерностей в эволюции государства, а, следовательно, бесперспективности попыток искусственно ускорить данный процесс, перепрыгивая от одной стадии развития к другой. Все проводимые правительством изменения представлялись возможными только в том случае, если «законодатель» помнил, что «...ход государств подобен ходу природы, и потому не может быть ни совершенно нов, приобретая что-либо, ни совершенно древен, сохраняя старое»²⁷.

В общем виде, сложившийся в сознании представителей образованной части российского общества образ государства имел одновременно и либеральные, и консервативные элементы. Их синтез проявлялся в представлениях о характере взаимоотношений личности и государства. С одной стороны, государство должно было гарантировать неприкосновенность прав и свобод личности, а с другой – оно обязано было проявлять «заботу и покровительство» в отношении своих подданных, оберегать веру, обычаи и традиции народа от разрушительного влияния извне.

---

²⁶ О земледелии, мануфактурах и торговле в отношении к России (перевод с английской рукописи) // Арх. ГХ. 1816. Ч. 2.: из Духа журналов. СПб., 1816. С. 89–93.

²⁷ Нечто о началах правлений // Санкт. журнал. 1804. № 4. С. 128.